

Здравствуй, папа! Я никогда не видел тебя. Сохранилась только одна фотография, где ты с мамой, молодые. У тебя густые черные волосы на прямой пробор и бабочка в светлый горошек. Она с гладкой прической под белым беретом, надетым слегка набекрень.

Берег этот двойной портрет. Всегда боялся его потерять из-за многих переездов, случившихся в моей жизни. Другого доказательства, что был отец — у меня не было.

Когда кончилась война, все ждали возвращения своих отцов. Все, кроме мамы. Это было самое тяжелое, что пережил мальчишкой. Много всего было за долгую жизнь, но это было самое тяжелое.

Завидовал другим, к кому вернулись отцы.

Когда спрашивали, где твой папа, говорил — пропал без вести. Так научила мама. Так часто тогда говорили. Плен, дезертирство, остался в другой стране, вернулся не в свою семью. Или погиб и захоронен в братской могиле — неопознанный, безвестный. Еще не было поисковиков, которые искали такие могилы. Они появились спустя десятилетия после войны. Находили тела погибших солдат, по документам, случалось, находили их родственников. «Воскресали» близкие, сложившие голову на войне. Ты не воскрес.

Я никогда не видел документ, где было бы написано «пропал без вести». Или какой-нибудь другой бумаги о тебе, когда взрослый разбирал наш скромный семейный архив. Не было ни одной твоей фотографии, кроме той, где ты с мамой. Как она уцелела в круговерти многих десятилетий, не знаю.

Люди не любили тех, у кого «пропал без вести». Подозрительность, стукачество были в ходу. Ты такого слова, наверное, не слышал. Стукнуть, значит донести, чаще без всякого основания или «корысти ради», а иногда бескорыстно. Впрочем, может быть слышал.

В то время многие семьи осиротели. Война. Безотцовщина. Но безотцовщина была разной. Папа герой, сложил голову за Родину. Вот медали, ордена. А если «пропал без вести», кто его знает, что за этим стоит. Подозрительно как-то.

Особенно тяжело было, когда настало время получать всякие документы. В графе «отец», посмотрев внимательно на тебя, делали прочерк. Прочерк, этот как бы вычеркнули человека. Не было его. А откуда ты взялся, возможны разные варианты. Стыдно было. Мальчишкой все это переживалось больно. Потом привык.

Трудно было без тебя.

После войны было голодно. Хлеб давали по карточкам. У мамы была карточка «на иждивенца», она «по болезни» не работала. У меня — детская карточка. Это черный хлеб, маленький, как плитка шоколада, кусочек. Иногда мне доставалось несколько таких кусочков. Потом я узнал, что она сберегала свои, чтобы дать мне наестся. Пережитый в детстве голод оставил след на всю жизнь. И сейчас в своей семье я не выбрасываю остатки недоеденной еды или хлеба. Или доедаю, чтобы не были выброшены домохозяевами, или сберегаю.

Чтобы как-то выжить мама шила на ручной машинке Singer. Обшивала меня — куртка черного сукна, как сейчас помню, с серой кокеткой. Помню брюки-клеш по-моряцки, без ширинки, с клапаном по бокам на пуговицах. Война еще оставалась в каждой детали быта. Шила и на продажу по ночам. Боялась «финна». Потом я узнал, что финн это фининспектор. Узнав о нелегальном «бизнесе», обложил бы налогом. «Заработок» от шитья был нерегулярным и скудным. Налог бы задушил нас.

* * *

Мама помнила тебя всю свою жизнь. Она хотела, чтобы я был во всем похож на тебя. Поэтому я учился хорошо. Был внимателен к ней. Случалось, мои мальчишеские проступки огорчали ее. Она, обидевшись, долго со мной не разговаривала. Это было самым тяжелым для меня наказанием.

Она говорила — папа был добрым. Я старался быть добрым. Она говорила: папа был образованным. Несмотря на бедность, не заставила идти работать. Настояла на том, чтобы поступал в институт. Что-то было во мне от тебя, как с ее слов я себе тебя представлял. Была планка, которую должен был достичь. Хорошо учился. Поступил в институт. Мама этим очень гордилась.

Ты не переставал жить в ее сознании. Она говорила мне — ты вылитый папа. Тогда смотрел на тот единственный портрет — похож, когда своими годами сравнился с твоими. Теперь тот, на портрете, ты годился бы мне в сыновья.

По вечерам, пока еще был холостой, мы часто выходили погулять вместе. Мама брала меня под руку и, кажется мне, что в эти минуты я был для нее ты. В те первые годы после войны мужчины были нарасхват. Никто не заменил ей тебя. Ваша любовь друг к другу была такой, о которой написано в старинных книгах.

Мама неохотно рассказывала о тех годах, когда вы были вместе. Особенно о том, как все тогда, до войны, жили.

Один ее поступок, запечатлевшийся с детства, спустя много лет показался мне знаменательным и кое-что объясняющим. Но это понял много лет спустя. В школе принимали в пионеры. Пришел домой с красным галстуком на рубашке. Утром, собираясь в школу, галстука не нашел. Мама сожгла его в печке. В коммунальной квартире, где мы тогда жили, была дровяная печка. Не для отопления, для приготовления пищи. Не помню, что сказал в школе.

Знаешь, папа, с годами все больше понимал, что мы с мамой, как бы сказать, были другие.

Она не читала газеты и редко слушала радио.

Когда я окончил техникум, чтобы быть принятым в институт, надо было вступать в комсомол. «Что ж,— сказала мама,— вступай в комсомолы». Долго не мог понять, с чем это было связано. Теперь понимаю. Надо было уступить. Уступил и много лет спустя. Надо вступить в партию, сказали мне, давая понять, что без этого дальнейшее продвижение по службе невозможно. Наивный, пошел к шефу спросить, что делать. Ответ был лаконичный, даже не ответ, а вопрос — что, еще не созрел? Емкий вопрос. Надо было «созреть», чтобы преуспеть в те времена.

Во мне есть ощущение, что мама пошла к баптистам, чтобы отличить себя от того

времени и общества.

* * *

Все пережитое с памятного детства — до поры необъяснимая безотцовщина, особость нашей маленькой семьи из двух человек,— повлияло и влияет до сих пор на мое восприятие или неприятие текущих теперь событий, которые образуют жизнь.

Войну помню и знаю только по книгам, фильмам, песням тех лет. Когда она началась, мне исполнилось четыре года. Меня увезли в Рязанскую область в эвакуацию. До сих пор помню это слово — эвакуация. Где вы были в войну? На фронте? В тылу? В эвакуации? В плену? Хорошо, если на фронте. В тылу — тоже не плохо, если «своим трудом ковал победу». В эвакуации — мама увезла сына к родственникам, где можно было как-то пережить нужду и голод. Хуже всего было тем, кто был плену. Об их судьбе узнал только много лет спустя.

Не было семьи, в которой не было бы погибших на фронте. У нас погиб — умер от тяжелого ранения в эвакогоспитале брат мамы, мой дядя Яков. У маминой сестры Лизы, моей тети, погиб муж Анатолий, морской летчик — лейтенант. Вместе с извещением ей прислали его вещи, из которых мне до сих пор памятен моряцкий кортик. Это была игрушка, какой не было ни у кого из моих сверстников, вызывавший у них зависть. В черных с золотом ножнах, блестящий, острый.

И все-таки когда я смотрю по телевизору праздничные парады Победы, мне кажется, что не испытываю тех чувств, которые испытывают другие. Те, кто знает, где их отцы были во время войны. Где ты, мой отец, был во время войны? Почему кто-то отнял у тебя причастность к Победе? Кто отнял у меня сопереживание вместе со всеми радости Победы!?

От того, что я теперь знаю кто, мне не легче.

* * *

Мои юность и зрелые годы были как у всех тогда.

На мое студенчество пришелся Всемирный фестиваль молодежи. Хорошо помню, как вместе с сокурсниками бегал на улицы, по которым из проезжавших открытых грузовиков нам махали руками и разноцветными флажками черные, белые, желтые молодые люди в сомбреро, чалмах, шляпах, фуражках. Они улыбались нам, мы улыбались им. Как вместе с ними танцевали на улицах. Это был праздник для нас тоже.

Помню победы наших хоккеистов над канадцами. Оторваться от телевизора в дни матчей — было невозможно. Гордость за СССР была искренней и всеобщей. Халл, Бурбоне, Эспозито — это канадцы. Наши — Толя Фирсов, какие изумительные обводки и финты. Его боялись канадские голкиперы, бравады ради игравшие без защитного шлема. Тройка нападающих, равной которой нет и уже, вряд ли, будет — Харламов, Петров, Михайлов.

А фигуристы! Эти зрелища были привлекательны еще и тем, что мы могли видеть не только катание, но и раскованное поведение «ихних» спортсменов и их тренеров, непосредственность выражения их эмоций, их наряды. Это был праздник не только спорта, но и праздник жизни, для нас неведомый. Потому столь притягательный. Фигуристы были тоже всеобщими любимцами.

Гордость за победы наших спортсменов переполняла нас. У себя дома перед телевизором мы тоже вставали, когда исполнялся гимн в честь наших победителей.

И первый и очень неприятный «звончок» — Белоусова и Протопопов навсегда уехали за границу. Объяснить это тогда никто не мог.

Уже Олимпиада 80-го не вызвала всеобщего воодушевления и гордость за страну, как раньше. Жить стало хуже. Из-за Афганистана мы не добрали целый ряд нацио-

нальных спортивных команд. Энтузиазма поубавилось. Патриотизма тоже. Появляло холодом с Запада.

Посыпались анекдоты про власть. Не злые — насмешливые, с примесью разочарования. На праздничные демонстрации ходили уже не «по зову сердца», а по обязательке. На службе старались помалкивать. В отдельных квартирах, пришедших на смену коммуналкам, кухня стала дискуссионным клубом. В квартире с соседями, особенно не поговоришь. На кухнях же, завянных табачным дымом, шли жаркие споры о том, что есть и что будет. В отличие от советов, здесь не было поголовного единогласия. Спорили до хрипоты и расходились друзьями. Мини-парламент. Оказалось, измени быт — и изменится идеология.

Параллельно «вольнодумство» среди молодых и немолодых процветало в туристских походах. Песни у костра. Почему-то часто пели «Колыму» и «Таганку». На смену «криминальной лирике» пришли Визбор и Окуджава. Следом авторская песня. Стоило посмотреть на лица и в глаза тех, кто приходил на концерты бардов. Зал и авторы дышали одним воздухом, были едины эмоциями и мыслями.

Это было в мои зрелые годы.

Воздух накалялся. Предчувствие и желание перемен ощущались кожей.

* * *

Я не смог дочитать до конца «Архипелаг Гулаг». Уже был «Один день Ивана Денисовича». Ожидаемое, но не потрясшее произведение. Еще раньше посыпались реабилитации. Узнали, что у многих и многих известных людей — артистов, певцов, ученых их родственники были репрессированы и даже расстреляны. Удивление и недоумение было всеобщим.

Но «Архипелаг Гулаг» был так насыщен описаниями людских страданий, унижений, издевательств, боли, что у меня не было сил читать до конца страницу за страницей. У пожилого уже человека болело сердце, раскалывалась голова, на глаза наворачивались слезы.

А дальше было то, что ты, наверное, не смог бы себе представить. Среди бела дня над головой все в одну и ту же сторону летели вертолеты. И в той же стороне слышались орудийные залпы, так знакомые по фильмам про войну. На экранах телевизора танки шли на толпу, пытавшуюся их остановить. На высоком белом здании из окон вырывались языки пламени, и стена в этом месте становилась черной. Ты мог бы представить, что рабочие своими пластмассовыми касками будут стучать по асфальту, чтобы выразить свое негодование? По телевизору нам нередко показывают, как в чужестранных парламентах депутаты кулаками отстаивают правоту своих взглядов. И в нашем парламенте в то время и до сих пор случается видеть, невиданное ранее — рукопашный бой, как самый действенный аргумент в дискуссии. Ты смог бы себе представить, как председательствующий выносит на обсуждение указ о роспуске одной единственной в стране партии, и депутаты большинством голосов этот указ утверждают? Все это на экранах телевизора транслировалось на всю страну. Некоторым улицам и площадям вернули прежние названия, сняв таблички с именами уходящих в небытие вождей — больших и поменьше.

Такие были времена.

Страна стала другой. Ты бы не узнал ее, буде дожил бы до всех этих перемен. И зная со слов мамы твои убеждения, не уверен, принял ли бы их.

* * *

Жить стало труднее, но интереснее. Открылись шлюзы информации, стали известны факты и события, которые перевернули представление о себе и стране. Теперь ты стал отвечать за себя, за свою судьбу сам, а не «добрый дядя». Какие книжки удалось

прочитать! Какие художественные выставки — посмотреть! В Большом театре певцы стали петь оперные партии на языке оригинала. Легализовали джаз. Вспомнили Вадима Козина. Лидию Русланову. Прочли «Бесов». Фильм поставили по этой книжке Достоевского. Вернули Набокова, Бунина, Платонова. По Булгакову поставили фильм «Белая гвардия». Ранее непредставимое! Помню, как переписывали от руки «Реквием» Ахматовой, стихи Мандельштама. Теперь эти книжки можно купить за просто. На смену журналам, изданным на быстро изнашивающейся бумаге и со скромными иллюстрациями, появились глянцевые журналы с непривычно многими страницами рекламы модной обуви, шикарных автомобилей, изящных красоток в туго обтягивающих платьях или откровенных купальниках. Автомобилей отечественных почти стало незаметно в потоке «шевроле», «вольво», «хьюндаев», «форд», «опелей», «рено».

Научились следить за курсом валют и процентной ставкой. За ценами на нефть и газ. За ценами на продукты питания и ценами за электричество и телефон. Стало много очень бедных и очень богатых. Бедные терпеливо ждут улучшения жизни. Богатые не стесняются выставлять свое богатство напоказ. И в то же время свои коттеджи обнесли высоченными заборами с колючей проволокой поверху. Было ли бы тебе это по сердцу, так свято веровавшему в счастье для всех?

Стали возможными поездки за границу. Без прохождения партийных комиссий. Выправляешь визу и в самолет. Знаменательно, но поначалу, например, британскую визу выдавали нам, российским, бесплатно. Потом за большие деньги и снятием отпечатков пальцев.

Не знаю, кого благодарить, но на седьмом десятке жизни удалось побывать в разных европейских странах. И в Испании.

В Европе тебе улыбаются на каждом шагу. В транспорте, в магазине. Кого-то нечаянно задел, улыбка. Спросишь, отвечают с улыбкой. Как пройти или проехать — тоже объяснят с улыбкой и, случалось, проводят до нужного места, если не далеко. Раздраженных лиц не видел. Хотел бы перенять этот обычай или привычку и улыбаться у нас не рискнул. Скорее всего, неправильно поймут.

Видеть другие страны и полезно, и поучительно. Лучше понимаешь себя и свою жизнь.

* * *

Стал возможным поиск своих близких, исчезнувших из жизни по не всегда понятным причинам или обстоятельствам. Раскрылись архивы. Все ли, не знаю. Кому-то удалось что-то узнать. Получить документы. Узнать о реабилитации. Кому-то нет. Получила свою расшифровку аббревиатура СЛОН. Стали печатать фотографии со стройки Беломорско-Балтийского канала. Был издан альбом с рисунками узницы одного из «лагов» Евфросинии Керсновской.

Мы лучше узнали историю своей страны, которую ты так любил, не зная этой истории.

На одной из знаменитых площадей в центре города на месте снятой статуи не менее знаменитого человека положили огромный камень в память всех исчезнувших из жизни по разным причинам и обстоятельствам. Стало традицией приходить и возлагать к нему цветы. С каждым годом к нему собираются все больше и больше людей. Стоят молча. Кто-то плачет. Речей не произносят.

Однажды пришел к нему и я. Купил десять красных гвоздик. Народу было много. Хотел приблизиться к камню. Расталкивать собравшихся было бы неуместно. Это ведь не зрелище, которое надо непременно увидеть поближе. Вереницей образов и событий в памяти прошла вся моя жизнь без тебя.

Когда перед моим внутренним взором как бы пролистались страницы альбома Ев-

фросинии Керсновской, не смог сдержать слез. Возможно, и тебя постигла участь тех, кто изображен самодеятельной художницей, видевшей все своими глазами. Мужественной женщины, которой хватило сил и умения создать документ пережитого всей страной,

С полными слез глазами так и отошел с цветами в руках. Отдал их девушке, подхвачившей к камню.

PS.

Ты для меня всегда был живой. Поэтому так написано — здравствуй папа! Не помню тебя живым совсем. Как ты держал меня на руках. Как радовался моему появлению на свет. Это все, наверное, было. Но на какой-то краткий момент. Знаю, что тебя давно уже нет — в любом случае. Мама умерла 17 лет назад, не дожив до ста лет этих самых 17. Вы одногодки. Когда раскрылись архивы, у меня не хватило душевных сил искать о тебе правду. Боялся, что она будет столь жестокой, что жить, зная ее, будет невыносимо тяжело.

В моей жизни ты присутствуешь таким, как на той фотографии с мамой — густые черные волосы, рассыпанные на прямой пробор, бабочка в горошек на шее. Добрые, умные глаза. Давно позади остался мой возраст, когда я был, как говорила мама, так похож на тебя. Теперь я стар и сед, а ты, мой папа, так и остался для меня на всю мою жизнь молодым — двадцати трех летним. И будешь таким всегда.